

венные границы, отделявшие от Литвы Клайпедский край, Сувалякю и Виленский край, способствовали укоренению в них региональной специфики).

Л. Молчанова (Минск)

БЕЛОРУССКО-БАЛТСКИЕ ПАРАЛЛЕЛИ В ТРАДИЦИОННОЙ ЗЕМЛЕДЕЛЬЧЕСКОЙ КУЛЬТУРЕ

Материальная культура белорусов вообще, и земледельческая в частности, имеет много общих черт с культурой народов Прибалтики. В земледельческом производстве общность наблюдается почти во всех аспектах этой древнейшей отрасли хозяйства. Большое сходство прослеживается в устройстве и принципе работы землеобрабатывающих орудий: плуга, сохи, рала, резака, бороны и т.д. В Литве, как и в Белоруссии, известны были два вида сохи, ареалы распространения которых составляли огромный массив, куда входили также соседние области Латвии и Эстонии.

Двухполицевая соха для парной воловой упряжки господствовала до конца XIX в. в южной части Литвы и в прилегающей к ней территории Белоруссии (Гродненщина и Белорусско-Украинское Полесье). На обширной территории Прибалтийско-Белорусского региона издавна использовалась однополицевая соха с корпусом, приспособленным для конной тяги. Подобные сохи известны в Северо-восточной Белоруссии, в Латгалии, Курляндии, Жемайтии. На всем этом огромном пространстве прослеживается большое сходство в устройстве рабочей части и корпуса сохи, а различия наблюдаются в основном во второстепенных деталях и размерах отдельных частей (сказывается влияние различных почвенных условий).

Древние однолемешные орудия — рала также имели весьма сходное устройство однозубной рабочей части и повсюду в

позднейшее время использовались для вспомогательных земледельческих работ (окучивание картофеля и др.). Так, зафиксированные в Белоруссии XIX в. рала имели конструкцию, идентичную рале, известному в Жемайтии. Как и в Литве (Шауляйский р-н), в Белоруссии известно рало с колесным передком.

В Северной Белоруссии, Литве, Латвии (Латгале) при обработке залежной земли (перелого) использовалось своеобразное орудие — резак, отрез, имеющий повсюду одинаковое устройство — длинный нож кустарной кузнечной работы, укрепленный в деревянный корпус для конской упряжки.

В Прибалтике и Белоруссии, где издавна основным орудием пахоты была двухлемешная соха, к плужной вспашке стали переходить лишь в последней четверти XIX в. Причем использовались плуги одинаковой конструкции фабричного или кустарного изготовления.

У всех народов Прибалтики и у белорусов применялись до конца XIX в. бороны, весьма близкие по конструкции и принципу работы. Известны были три вида борон; один из них — деревянная борона-смык, изготовленная из плах с естественными сучьями, выполняющими роль зубьев. Этот древнейший тип бороны повсюду использовался обычно при обработке пашен на лесных вырубках. В крестьянских хозяйствах Белоруссии, Литвы, Латвии и Эстонии до XX в. в широком обиходе были плетеные бороны с деревянными зубьями. Сходного устройства были и бороны с железными зубьями, сколоченные из деревянных брусков.

В Прибалтийско-Белорусском регионе большое сходство прослеживается и в других орудиях земледельческого производства. Повсюду использовались катки весьма близких типов для укатки посевов, двузубые деревянные вилы для накапывания навоза в клевых, плетеные из соломы или изготовленные из луба севалки, серпы для жатвы с зазубренным режущим краем, косы с длинным и коротким косьем (полукоски), деревянные грабли. Много общих черт прослеживается в способах молотбы, веянья, толчения круп и помола зерновых.

Сходство, а подчас полное тождество в устройстве орудий и земледельческих процессов у разноплеменных народов Прибалтийско-Белорусского региона свидетельствует о древности земледельческого хозяйства у населения этой территории, о тесных контактах народов в течение многовековой их истории, об общих путях их социально-экономического развития.

Публикация общеевропейского и региональных историко-этнографических атласов значительно расширит горизонты исследований, позволит углубить выводы о причинах возникновения и путях распространения культурных явлений, пролить свет на этногенез славянских и прибалтийских народов.

А. Петерсон (Тарту)

О ВОЗМОЖНЫХ БАЛТИЙСКИХ ВЛИЯНИЯХ НА ВЕПССКУЮ МАТЕРИАЛЬНУЮ КУЛЬТУРУ

О том, что между земледелием вепсского и балтийских народов существовали тесные связи, говорят прежде всего балтийские заимствования в вепсском языке: например, вепсское *vaço* (борозда), *semen* (семя), *hernēh* (горох), *lin* (лен) и др. Как известно, вепсский термин *ägez* (борона) — балтийского происхождения. Пахотное орудие — соха была одинаковой у балтов и вепсов. Пахотные орудия, применяемые вепсами и балтами, были распространены не только на их территориях, но и в соседних областях.

Зерновые у вепсов связывались в снопы, а снопы, в свою очередь, складывались в бабки по пять снопов. В особенности это относится ко ржи: четыре снопа вокруг кола, вбитого в землю, и пятый в качестве шапки сверху. У латышей рожь складывалась в бабки по десять снопов, яровые же по пять снопов. В дождливую осень у вепсов сжатые снопы даже не укладывались

в бабки или суслоны, а вывешивались сушиться на заборах — *ard* (вешало). По-латышски жерди в риге, где сушился хлеб, назывались *ārdi*, а по-литовски — *ardų*. После сушки яровые можно было укладывать для более длительного хранения в длинные скирды (вепсское — *skird*). В Восточной Латвии слова *stīra*, *ākirda* обозначают стога сена. По Биленштейну, латыши использовали для сушки хлеба и длинную скирду *stīra*.

По экспедиционным данным, учет урожайности зерновых у вепсов велся по снопам — мерой служило *rih* (по-русски — рига). Ржи в *rih* входило 200 снопов, яровых хлебов — 300. В балтийских материалах пока нет данных, подтверждающих, что и у них в древности была традиция учета урожайности по ригам.

У прибалтийско-финских народов, в том числе и вепсов, были тесные связи и общение с балтийскими народами в том далеком прошлом, когда земледелие у прибалтийско-финских народов делало первые шаги.

И. Приедите (Рига)

ЛАТЫШСКИЕ НАРОДНЫЕ МУЗЫКАЛЬНЫЕ ИНСТРУМЕНТЫ — ИСТОЧНИК ИССЛЕДОВАНИЯ ЭТНОКУЛЬТУРНЫХ СВЯЗЕЙ

Музыкальный инструмент — специфическое явление национальной культуры. Он является одновременно феноменом материальной и духовной культуры. Сами названия народных инструментов нередко несут в себе конкретную культурно-историческую информацию.

Набор латышских народных инструментов многообразен. 30 разновидностей духовых, шумовых, ударных, струнных инструментов общим числом более 500 хранятся в фондах музеев республики; о них говорится в более чем 1340 народных песнях. Собира-